

УДК 7. 071. 1 (092) (477. 53)
DOI: 10.15587/2313-8416.2016.60631

ОБРАЗ ЖИЗНИ ГУБЕРНИИ ГЛАЗАМИ МЕМУАРИСТА

© А. И. Литвиненко

На материале воспоминаний украинского и российского композитора Леонида Лисовского (1866–1934) «Десять лет в Полтаве...» охарактеризованы малоизвестные страницы из жизни Полтавской губернии в начале XX века. Проанализированы творческие, личные и общественные связи музыканта с различными представителями провинциального общества. Раскрыты давно забытые имена. Создан психологический портрет автора и его окружения

Ключевые слова: образ жизни, Полтавская губерния, Леонид Лисовский, дневники, воспоминания, музыкальная среда

According to the materials of memories of Ukrainian and Russian composer Leonid Lisovskiy (1866–1934) "Ten years in Poltava ..." little-known pages of the musical and social life of the Poltava province in the early twentieth century are revealed. The composer's creative relationships with various layers of provincial society are characterized. It presents the long-forgotten names, a psychological portrait of the author and his entourage are created

Keywords: lifestyle, Poltava province, Leonid Lisovskiy, day books, memoirs, musical environment

1. Введение

Объектом нашего исследования стали воспоминания украинского и российского композитора Леонида Лисовского (1866–1934), посвященные десяти годам его жизни и деятельности в Полтаве (1899–1909). В отечественном музыковедении биография и творчество музыканта остаются малоизученными, его имя отнесено к числу композиторов «второго ряда» [1]. Вместе с тем, солидное гуманитарное и музыкальное образование – Харьковская гимназия, историко-филологический факультет Харьковского университета (1890), Санкт-Петербургская консерватория (класс композиции М. Ф. Соловьёва, 1897), позволили Л. Лисовскому осуществить весомый вклад в развитие отечественной музыкальной культуры своего времени.

2. Постановка проблемы

В связи с активным проникновением антропологии в различные сферы гуманитарного знания возрастает интерес к изучению проблем повседневности, широкую научную разработку приобретает категория «образ жизни». В современных исследованиях данное понятие широко используется как социально установленная научная категория. В философии характеризуется как «целостность, обладающая культурным смыслом, обусловленная способностью человека к результативной активности» (Э. Орлова), «продукт взаимоотношений социального и индивидуального», «манифестатор менталитета» [2]. В культурологии рассматривается как динамический социокультурный «портрет» членов общества, представ-

ленный через процессы их жизнедеятельности в определенных условиях бытия. Содержание понятия раскрывается в представлении о том, как живут и чем заняты люди, какие виды деятельности и взаимодействия друг с другом заполняют их жизнь [3].

Наиболее продуктивным материалом для исследования данной проблематики в историко-культурном контексте являются источники личного происхождения: эпистолярии, дневники, воспоминания, автобиографии, записки, эссе и т. п. В сопоставлении с официальными материалами, нарративные эгодокументы способны не только расширить, детализовать, «освежить» принятую в науке идеологию [4], но и реконструировать её. Обладая неоспоримой историографической ценностью, источники личного происхождения имеют огромный культурологический потенциал:

– являются «элементом духовного быта» [5] своего исторического времени;

– раскрывают «ментальные и поведенческие традиции своей среды» [4];

– транслируют знания и опыт на уровне обыденных представлений.

3. Обзор литературы

Поиск информации о Леониде Лисовском обнаружил практически полное отсутствие работ о нём. Многогранная творческая деятельность музыканта на поприще украинской и российской музыкальных культур до сих пор остаётся не исследованной. В энциклопедиях и справочниках разного периода времени размещены лишь скудные сведения о композиторе.

В «Новом энциклопедическом словаре» (1904) опубликована краткая биография Л. Лисовского, однако указаны далеко не все сферы его творчества и уже написанные в то время произведения. В «Украинском советском энциклопедическом словаре» сообщается о том, что Леонид Лисовский – музыковед, автор трудов «Анотовані бібліографічні описи музичних творів українських радянських композиторів» (1929) и «Музична творчість П. П. Сокальського» (1927), что свидетельствует об определённой известности композитора в своё время.

С конца 20-х годов XX века и до начала XXI данные о Л. Лисовском вовсе исчезают со страниц справочных изданий и только в 2004 году попадают в справочник Антона Мухи [6].

В большинстве учебников по истории украинской музыки имя Л. Лисовского не упоминается. Искусствоведы в попытках оценить его творчество почти единодушно отказывают ему в таланте [7], признают лишь историческое значение его произведений [7]. Очевидно, что низкая оценка достижений Лисовского обусловлена абсолютной не исследованностью его творчества: музыка композитора не звучит в концертных залах и учебных аудиториях, его труды не издаются. В то же время, объем архива Л. Лисовского, хранящийся в Институте рукописи ББК имени В. Вернадского, свидетельствует о весомом и разнообразном багаже музыканта. Однако и сегодня исследователей его наследия не много. Украинский искусствовед М. Ржевская в своей монографии (2005) оценивает биографию Л. Лисовского как типичную и уникальную для времени, в котором он жил [8]. В социокультурных условиях послереволюционного периода композитору, как и большинству его современников, не хватало творческой свободы, определённые трудности создавали жизненные обстоятельства, толкавшие музыканта на постоянные переезды в поисках лучших условий для жизни и творчества.

Изучив биографию Л. Лисовского можно сделать вывод, что полтавское десятилетие стало для композитора одним из самых ярких и плодотворных. О нём Л. Лисовский оставил воспоминания – единственные, созданные на основе личных дневников, которые он вёл на протяжении всей своей жизни. Охарактеризовать образ жизни губернии начала XX века, основываясь на свидетельствах очевидца и непосредственного участника событий – цель нашего исследования.

4. Полтавская губерния в начале XX века: позиция времени и взгляд мемуариста

4.1. Полтавская губерния – социокультурный контекст

В начале XX века Полтава была довольно развитым в социокультурном отношении губернским центром. В городе действовало несколько концертных залов: Второго общественного собрания, Губернской земской управы и Дворянского собрания. В 1900 году был построен Городской театр имени Н. Гоголя с залом на 1000 зрительских мест. Активную образовательную работу в губернии проводили государственные и частные учебные заведения: Пол-

тавский институт благородных девиц, Петровский кадетский корпус, Духовная семинария, Реальное училище, Синодальные регентские курсы, коммерческое училище А. О. Байера, музыкальные классы Ф. Базилевич, а так же ряд частных гимназий, музыкальных классов, курсов, школ В. Ахшарумовой, Н. Старицкой, В. Нейфельд-Копецкой, А. Душковой-Левитиной, Н. Парижской, И. Гольдберга, Ф. Левицкого. В 1902 году начало свою работу Полтавское отделение ИРМО.

Особая роль в развитии культурно-художественной жизни края принадлежала местной интеллигенции. Среди них известные учёные, писатели, художники, музыканты, педагоги, видные культурные деятели: И. Павловский, В. Короленко, В. Щепотьев, Л. Яновская, Г. Маркевич, И. Ризенко, Д. Иваненко, Виктор и Владимир Оголевцы, Ф. Попадич, Григорий та Иван Мясоедовы, О. Сластивон, А. Ерофеев, И. Козловский, В. Старостинецкая и многие другие. Живя в провинции, они поддерживали тесную связь со столицей и крупными культурными центрами. Учреждали по их примеру художественные и театральные общества, организовывали музыкальные школы и курсы, читали просветительские лекции. Местные композиторы стремились публиковать свои сочинения в ведущих издательствах Москвы (А. Гутхейля, П. Юргенсона, «А. Ф. Федорова и КО») и Петербурга (Ю. Циммермана). В традициях лучших европейских салонов проводил вечера организованный Г. Мясоедовым музыкальный кружок. Здесь, при участии местных любителей, звучали лучшие произведения камерного репертуара эпохи.

Культурному росту губернии способствовала так же деятельность в провинции известных художников-передвижников: В. Волкова, Г. Мясоедова, Н. Ярошенко, ранее Л. Жемчужникова, П. Мартыновича. Н. Ярошенко был выходцем из Полтавы, неоднократно возвращался сюда, после смерти завещал родному городу коллекцию своих картин. В его работах прослеживается не только глубокое понимание украинской культуры, но и генетическое родство с ней. Л. Жемчужникова с Полтавщиной связывают около пяти лет активной профессиональной деятельности. Изучая фольклор и быт Малороссии, он некоторое время жил и работал в имении матери Н. Гоголя (с. Васильевка). Впоследствии был издан альбом его офортов под названием «Живописная Украина». Г. Мясоедов и, особенно В. Волков, избрали Полтаву для жизни в зрелом возрасте. Здесь, в большинстве своем, реализовался творческий потенциал каждого из художников, прошли последние годы их жизни.

В начале XX века по всей стране существенно активизировалась гастрольно-концертная деятельность. После завершения строительства железнодорожного участка Киев-Полтава-Лозовая (1901–1903), вошедшего в состав Московско-Киево-Воронежской железной дороги, в Полтаву хлынул поток отечественных и зарубежных гастролёров. Наиболее часто посещали город пианисты А. Контский, А. Зилоти, А. Аренский, И. Гофман; скрипачи Э. Ондричичек и А. Габрилович; виолончелисты Алоиз и А. Вержбилович; камерный дуэт Л. Ауэра и А. Миклашевского.

Тепло и радушно встречали жители губернии выступления солистов Мариинской оперы – Николая Фигнера и Евгении Мравиной, финской певицы Альмы Фострьом, российских знаменитостей Елизаветы Азерской, Степана Власова, Леонида Собинова и Анастасии Вяльцевой. Поклонники драматического искусства в Полтаве имели возможность наслаждаться спектаклями театра «Корша» (П. Орленев, В. Комиссаржевская, В. Давыдов, В. Далматов, А. Южин), а так же творчеством известной русской актрисы Марии Савиной, гастролировавшей в составе Харьковского драмтеатра.

Стоит заметить, что к тому времени, весьма искушённый и с позитивным художественным вкусом полтавский зритель не всегда был удовлетворён выступлениями артистов, которые приезжали в город с явной коммерческой выгодой и при этом пренебрегали уровнем исполнительского мастерства. Так «госпожа Миргородская», исполнившая арию Леля из оперы «Снегурочка» Н. Римского-Корсакова, вызвала «своим петушиным меццо сопрано гомерический хохот публики» [9], а концерт солисток Московской оперы сестер Кристман не смогли спасти даже «повышенные» цены на входные билеты: «В начале народ повалил “густо”, но художественной ценности не вынес» [10]. Как видим, социокультурная среда в губернии к началу XX века создавала хорошие условия для жизненной и творческой самореализации.

4. 2. Полтавская губерния глазами мемуариста

Л. Лисовский приехал в Полтаву в январе 1899 года и буквально с первых дней, – как он записал в своём дневнике, – «...вынес самое безотрадное впечатление после столицы. В городе по случаю оттепели была невыносимая грязь, в музыкальных классах, где находилась и моя же [Лисовского] квартира (3 комнаты мне, 2 комнаты и прихожая – классы), несмотря на полуофициальное учреждение, не было в доме “удобств” (всё во дворе!)... <...> В первый день занятий я захотел вечером прогуляться на свежем воздухе (по петербургской привычке), но у крыльца шлёпнулся на тротуар чуть не в канаву» [11]. Такое неблагоустройство привело композитора в раздражение, и он остался дома, вспоминая столичные прогулки даже при дожде.

Впоследствии, неоднократно претерпевая от бытовых неурядиц и провинциальной необустроенности, Л. Лисовский все же останется жить и работать в Полтаве в течение последующих десяти лет. Такому его решению, очевидно, способствовало сразу несколько факторов. Во-первых, он не мог отказываться от престижных в провинции служебных должностей – инспектора музыки в Институте благородных девиц, директора музыкальных классов Ф. Базилевич, преподавательской и другой, как он выразился, «чисто музыкальной работы», о которой мечтал, но не смог найти в столице после окончания консерватории. Во-вторых, отправляясь в Полтаву, композитор намеревался реализовать свои творческие планы – за 5–7 лет создать оперу и симфонию. В-третьих, на момент приезда из Петербурга Л. Ли-

совский был женат и воспитывал дочь. Таким образом, на нём лежала ответственность за материальное благополучие семьи. Очевидно, все эти обстоятельства заставили музыканта, как он пишет далее, «по-немногу, к “полтавскому” привыкать» [11].

Вскоре Л. Лисовский заметил, что жизнь в провинции несёт в себе немало позитивного. «Полтавцы, по своей природе были <...> народом веселящимся, пирующим каждодневно, то в одном своём углу, то в другом <...> непрерывной гирляндой шли обеды, ужины, рауты, балы у предводителя дворянства, у губернатора в Петровском Кадетском корпусе, в Институте благородных девиц и т. д., и т. д. <...> И я, – отмечает Л. Лисовский, – в числе многих, сравнительно новых людей в городе, вошёл во вкус этой праздной жизни [12].

Непревзойдённым казалось «всеобщее полтавское хлебосольство» [11]. Радушие и гостеприимность полтавчан, желание повсеместно угодить гостю были отличительной чертой всех без исключения жителей края. «Кто бы ни позвал меня к себе “вечерком” или на “чай”, – вспоминает Л. Лисовский, – ставили такое сытное и вкусное угощение, какое в наши дни может только сниться...» [11]. И для простых обывателей, и для людей интеллигентных, в том числе из высшего общества, сытная трапеза являлась неотъемлемой частью общения – атрибутом светской беседы, непременным условием официальных либо дружеских встреч. В полтавском музыкальном обществе её элегантно маскировали под один из благовидных предлогов – помузицировать. В качестве примера композитор описывает визиты к одному из своих сослуживцев, учителю музыки и хорового пения Полтавского института благородных девиц Николаю Вонсовскому. Бывший ученик С. Монюшки любил принимать у себя «не для музыки, а для пивца, винца, бесед о старине...» [11]. Приглашая Л. Лисовского в гости, Н. Вонсовский «всякий раз старался угодить ему своим меню: «...“колдуны”, суп с кореньями, цыплята, сыр, водка, пиво, кофе, портвейн!...» [10].

Внимание недавно прибывшему из столицы «свободному художнику» спешили оказать и представители полтавской знати. Общение с ними так же не обходилось без трапез и музицирования: «То начальница Института [графиня Апраксина] звала к себе на чай, и мы играли с ней итальянские народные песенки и романсы Тости (она на мандолине, я аккомпанировал на рояле или на фисгармонии); то вице-губернатор с женой угощали ужином у себя и “почтили” своим присутствием два вечера моих учащихся; то директор Кадетского корпуса приглашал на очередной корпусный концерт-бал; то предводитель дворянства С. Е. Бразоль наносил мне визиты с приглашением к ним на “раут”» (а супруга его, Елизавета Петровна Бразоль, прислала [Лисовскому] банку чудных своих соленых огурцов) – вспоминает композитор [13]. Отметим, что общение Л. Лисовского с представителями высшего общества носило скорее прагматичный, нежели дружеский характер. «Небесполезные связи» и влиятельные покровители необходимы были молодому композитору для ком-

фортной жизни в провинции. В своих воспоминаниях музыкант прямо высказывается об использовании благосклонности высших чинов с целью укрепления собственных позиций по службе и реализации творческих планов.

Возвращаясь к гастрономической теме в мемуарах Л. Лисовского, заметим, что, по мнению автора, превзойти полтавскую щедрость в застольях могли только в окрестных деревнях. В этом он неоднократно убеждался проводя летний отпуск у сестры на хуторе Мессарожевка Купянского уезда. «В деревне, – пишет композитор, – считалось обидой хозяевам, если гость ест умеренно. И сестра моя зорко следила за тем, чтобы гостями все было не только испробовано, но и повторено» [11].

Во многих сельских семьях культ еды сопровождался тягой к экзотике. Таким образом, хозяева демонстрировали не только желание внести разнообразие в повседневный рацион и не без того богатой украинской кухни, но и восприимчивость к гастрономическим пристрастиям других культур. Некоторые состоятельные жители губернии традиционно содержали в качестве объездчиков лошадей черкесов, в совершенстве владеющих искусством приготовления шашлыков из баранины. «И действительно, – пишет Л. Лисовский, – на свежем деревенском воздухе, после моциона развивался неизменный аппетит и все мы жевали и глотали все, что нам накладывалось и наливалось. Кроме пива, водки, вина (иногда ликера) все выпиваемое и проглатываемое было свое: и хлеб, и масло, и молоко с его продуктами, и птица, и караси с пруда, и свинина, и баранина, и солонина. И, разумеется, после двух рюмок настойки с жадностью съедали по две тарелки жирного борща с нежнейшей бараниной и с чудесной кашей, а после пива являлся новый аппетит – на какого-либо поросенка с кашей или со сметаной и хреном, или на котлеты с морковным соусом либо с привозным французским горошком. Затем – или сладкое и фрукты, или ягоды. А запив все это вином и тем либо другим квасом, – все мы шли “на боковую” и на... съедение мухам, слетавшимся со двора в комнаты» [11].

В то же время, на фоне, как казалось, беззаботной и размеренной жизни в провинции Л. Лисовский отмечает необычайно высокую социальную активность всех без исключения жителей края: «Город глубоко интересовался всяким общественным фактом и тщательно его переживал у себя в “хатынах”. Какое-нибудь официальное назначение, которое харьковец, скажем, одним глазом пробежит в газете и тут же, смотришь, забудет – в Полтаве обсуждалось и так и эдак, чуть не в каждом доме за вечерним самоварчиком. Любое уездное земское собрание, которое в большом городе проходило незаметно для повседневной жизни горожан, как луна при свете электрических фонарей, – в таком, сравнительно небольшом городе как Полтава, наполняло жизнь горожан глубокими эмоциями и дискуссиями. И даже на улицах замечалось в такие дни большое оживление”. В этом смысле, – делает вывод автор: «полтавцам «приходилось <...> “открывать Америку” нам, столичным...» [13].

В опровержение крылатого, в отношении украинцев, высказывания «Моя хата с краю...», жители губернии демонстрировали обостренное чувство справедливости, глубокое сопереживание и участие в судьбе ближнего. В мемуарах Л. Лисовский описывает одно из резонансных судебных дел братьев Скитских, обвинявшихся в убийстве секретаря Полтавской духовной консистории А. Я. Комарова. Длившееся почти 3 года следствие имело огромный общественный резонанс. Слушания проходили в несколько этапов и всякий раз, независимо от вынесенного приговора, следовала бурная и незамедлительная реакция полтавских граждан. Вот как пишет об этом Л. Лисовский: «28 мая, весь город поголовно был в колоссальном напряжении, ожидая с часу на час приговора Окружного Суда <...>. И когда, наконец, под чудный вечер был вынесен оправдательный приговор обоим братьям – едва ли не три года до того просидевшим в тюрьме, – то весь город, можно сказать, бросился на нашу улицу (бывшую Новополтавскую) и к квартире защитника Скитских, частного поверенного Моисея Давыдовича Зеленского, которому устроили громкие, восторженные народные овации» [13].

4. 3. Характеристика музыкальной среды Полтавы в мемуарах Леонида Лисовского

Стоит отметить, что мемуары Л. Лисовского в большей степени характеризуют образ жизни той среды, к которой композитор был близок в силу своей профессиональной деятельности. В Полтаве, как справедливо отмечает музыкант, особенно ценилась любая, даже малейшая причастность к искусству. Любовь и желание заниматься музыкой даже «без всяких к ней способностей» [6] вызывала особое восхищение среди любителей и недоумение в глазах профессионалов.

Признанным в полтавском обществе «музыкальным экспертом» со связями едва не во всех городах России был служащий банка Семён Григорьевич Зайцев. Он долгое время играл в оркестре Д. Ахшарумова как любитель. О нём Л. Лисовский пишет так: «И хотелось, милейшему Семёну Григорьевичу быть на виду у публики. <...> Потому он всегда играл на литаврах стоя, и его высокая фигура в глубине оркестра высилась, как колокольня кафедрального собора у нас. А чтобы не вертеться излишне, Зайцев попросту стоял неизменно всю пьесу с начала до конца. Можно было подумать, не контролёр ли это какой-либо» [8].

Среди «невменяемых», по словам автора, полтавских критиков была и дальняя родственница Н. В. Гоголя Надежда Викторовна Янович. Она «...очень любила играть в четыре руки, но все, конечно, в “черепашьем” темпе и без всякого согласования с партнером. Причем в следующие дни, говоря кому-либо из знакомых о последней своей игре, <...> добавляла примерно такое: “Вчера мы с Марией Владимировной играли в четыре руки скрипичный концерт Мендельсона, вышло очень мило, разницы было только 2 такта” (!). Это означало то, что каждая партнерша играла свое, совер-

шенно не слушая партнера и находясь от него на расстоянии 2-х тактов!.. От таких суждений, правильное – от таких собеседников, – пишет далее Л. Лисовский, мне делалось скучно и меня начинало адски тянуть в столицу» [11].

Тоску композитора по Петербургу подогревали заезжие в провинцию гастролеры. Каждый раз, принимаясь за написание рецензии на концерт очередной знаменитости, Лисовскому безумно хотелось «улететь» из Полтавы в Петербург [13]. Этот город он часто видел во сне: «Стою, снилось мне, посреди Невского проспекта (т. е. посередине мостовой) у Николаевского вокзала и, простирая руки вперед, со слезами умиления восклицаю: “Милый, милый, дорогой Петербург!”» [13].

Однако были в провинции музыканты, общение с которыми могло не только доставить удовольствие, но и послужить уроком даже для опытного профессионала. Л. Лисовский вспоминает игру в дуэте с Екатериной Афанасьевной Черныш: «Эта дама, несмотря на маленькую глухоту одного уха, оказалась идеальной партнёршей в четыре руки на рояле, <...> лучше даже Екатерины Алоизовны Зайцевой, с которой я до сих пор имел дело. И я с громадным удовольствием проиграл с Черныш “Патетическую симфонию” П. Чайковского и три части симфонии (C–dur) Ф. Шуберта». А репетиция концерта со скрипачом В. Фельдом неожиданно напомнила композитору о временах консерваторской юности и занятиях по фортепиано с профессором Ф. Ф. Черни: «Скрипач оказался тонким музыкантом и сильно промуштровал меня в аккомпанементе, заставляя производить все оттенки без утрировки и как бы “под вуалью”. Помню, что я сперва был “опешен”, а потом понял, одолел и был доволен», – пишет композитор [13].

Наиболее тепло композитор отзывался о своих коллегах по школе. Среди них виолончелист симфонического оркестра Д. Ахшарумова, уже известный нам Николай Вонсовский, пианистки Екатерина Зайцева и Галина Семенченко, а так же Юлия Кошевская «устраивавшая в музклассах <...> и у себя на дому вечера и утра своих “малюков”» [11]. Самым авторитетным в Полтаве был ученик Н. А. Римского-Корсакова Михаил Александрович Милорадович. С ним Л. Лисовский любил просиживать «за дружной беседой и музыкой, делясь своими “потрохами”» [13], – так музыканты называли свои композиции.

Вспоминая о своей педагогической работе, композитор отмечает «удивительно крепкое здоровье у своей школьной публики. Из 85 душ, – пишет автор, – за 10 лет всего две ученицы (Юст и Глоба-Михайленко) скончались от скарлатины. Остальные же учащиеся не только не поддавались продолжительным недугам, но вообще, можно сказать, никто из них никогда не болел, и мы, педагоги, чаще пропускали наши уроки, чем кто-либо из школьной массы. Это может говорить о том, насколько здоров климат Полтавы, а быть может, и о том, что занятия музыкой тоже укрепляют здоровье (особенно психическое)», – делает вывод педагог [10].

5. Результаты исследования

Судьба музыканта была щедрой на творческие связи с выдающимися современниками, среди которых композиторы Н. Черепнин, О. Глазунов, П. Шенк, М. Ипполитов-Иванов, музыкальный критик Владимир Сокальский, художники Альберт Бенуа, Григорий и Иван Мясоедовы, учёный Владимир Вернадский.

На протяжении всей своей жизни композитор поддерживал родственные отношения с представителями многих известных семей: Зарудных, Старицких, Бенуа, Кавос, Ипполитовых-Ивановых, Васьковых, Черепнинных, Короленко, Ахшарумовых, фон Бремзен, Гревс, Жедринских, Ильиных, Эфрон, Брюлловых и др. Непосредственно к семейному окружению композитора принадлежала его первая жена, Варвара – дочь известного государственного деятеля, сенатора Сергея Ивановича Зарудного. Сестра Варвары Екатерина – известная художница Е. Зарудна-Кавос. Крёстной матерью дочери Лисовских была супруга Владимира Вернадского – Наталья. Последние годы своей жизни Леонид Леонидович прожил в браке с Неонилей Сокальской, дочерью украинского композитора Петра Сокальского.

6. Выводы

Воспоминания Лисовского «Десять лет в Полтаве...» имеют безусловную историографическую и культурную ценность. В них отражена не только субъективная позиция автора – непосредственного участника и очевидца происходящих событий, но и дух времени в широком смысле.

Характерной особенностью мемуаров является жизнеописание в деталях. Автор демонстрирует жизненный уклад различных представителей провинциального общества – их вкусы и убеждения, степень социальной активности и мировоззрение, традиции и предпочтения. Благодаря этим и многим другим факторам образ жизни губернии воспринимается как образ эпохи в целом.

Богатая стилистика, а так же яркий, образный язык воспоминаний, в свою очередь, подтверждают мысль о том, что интересные мемуары не могут быть созданы заурядным человеком. «Десять лет в Полтаве...» Л. Лисовского – это жизненная исповедь автора, документальное свидетельство эпохи и яркое литературно-художественное произведение, заслуживающее должного внимания исследователей и популяризации среди широкого круга читателей.

Литература

1. Цукер, А. В тени классиков: к проблеме целостности музыкально-исторического процесса [Текст] / А. Цукер; ред. А. М. Цукер; Ростовская государственная консерватория (академия) имени С. В. Рахманинова – Композиторы «второго ряда» в историко-культурном процессе. – М.: Композитор, 2010. – 328 с.
2. Гималетдинова, Р. И. Образ жизни и социально-философские аспекты здоровья [Текст]: дисс... канд. филос. наук / Р. И. Гималетдинова. – Уфа, 2000. – 148 с.
3. Орлова, Э. А. Социокультурное пространство обыденной жизни [Текст]: метод. пос. / Э. А. Орлова. – М.: ГАСК, 2002. – 104 с.

4. Федорова, Е. С. Частная жизнь интеллигенции на «переломе культур»: Сохранение культурных ценностей в изгнании (На материалах семейного архива: от 30-х годов XIX века к 30-м годам XX века) [Текст]: дис. ... д-т. культ. наук / Е. С. Федорова. – М., 2005. – 357 с.
5. Егоров, О. Г. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра: Исследование [Текст] / О. Г. Егоров. – М.: Флинта, 2011. – 280 с.
6. Муха, А. Композитори України та української діаспори [Текст] / А. Муха. – К., 2004. – 221 с. – С. 182.
7. Історія української музики. Т. 3 [Текст] / ред. кол. М. П. Загайкевич, А. П. Калениченко, Н. Ф. Семененко; АН УРСР. Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського. – Кінець XIX – поч. XX століття. – К., 1990. – 424 с.
8. Ржевська, М. Ю. На зламі часів. Музика Наддніпрянської України першої третини XX століття у соціокультурному контексті епохи [Текст]: монографія / М. Ю. Ржевська. – К.: Автограф, 2005. – 351 с.
9. Лисовский, Л. Десять лет в Полтаве (1899–1909). Из дневников и воспоминаний. Вып. IV [Текст] / Л. Лисовский // Институт рукописи НБУ им. В. Вернадського. – 1902. – 140 с.
10. Лисовский, Л. Десять лет в Полтаве (1899–1909). Из дневников и воспоминаний. Вып. III [Текст] / Л. Лисовский // Институт рукописи НБУ им. В. Вернадського. – 1901. – 38 с.
11. Лисовский, Л. Десять лет в Полтаве (1899–1909). Из дневников и воспоминаний. Вып. I [Текст] / Л. Лисовский // Институт рукописи НБУ им. В. Вернадського. – 1899. – 31 с.
12. Лисовский, Л. Десять лет в Полтаве (1899–1909). Из дневников и воспоминаний. Вып. V [Текст] / Л. Лисовский // Институт рукописи НБУ им. В. Вернадського. – 1903–1905. – 140 с.
13. Лисовский, Л. Десять лет в Полтаве (1899–1909). Из дневников и воспоминаний. Вып. II [Текст] / Л. Лисовский // Институт рукописи НБУ им. В. Вернадського. – 1990. – 39 с.

References

1. Cuker, A.; Cuker, A. M. (Ed.) (2010). V teni klassikov: k probleme celostnosti muzykal'no-istoricheskogo processa. Moscow: Kompozitor, 328.
2. Gimaletdinova, R. I. (2000). Obraz zhizni i social'no-filosofskie aspekty zdorov'ja. Ufa, 148.
3. Orlova, Je. A. (2002). Sociokul'turnoe prostranstvo obydennoj zhizni. Moscow: GASK, 104.
4. Fedorova, E. S. (2005). Chastnaja zhizn' intelligencii na «perelome kul'tur»: Sohranenie kul'turnyh cennostej v izgnanii (Na materialah semejnogo arhiva: ot 30-h godov XIX veka k 30-m godam HH veka). Moscow, 357.
5. Egorov, O. G. (2011). Russkij literaturnyj dnevnik XIX veka: Istorija i teorija zhanra: Issledovanie. Moscow: Flinta, 280.
6. Muha, A. (2004). Kompozytory Ukrai'ny ta ukrai'ns'koi' diaspory. Kyiv, 221, 182.
7. Zagajkevych, M. P., Kalenychenko, A. P., Semenenko, N. F. (Eds.) (1990). Istorija ukrai'ns'koi' muzyky. Vol. 3. Kinec' XIX – poch. XX stolittja. Kyiv, 424.
8. Rzhevs'ka, M. Ju. (2005). Na zlami chasiv. Muzyka Naddniprojans'koi' Ukrajinj pershoi' tretyny HH stolittja u sociokul'turnomu konteksti epohy. Kyiv: Avtograf, 351.
9. Lisovskij, L. (1902). Desjat' let v Poltave (1899–1909). Iz dnevnikov i vospominanij. Issue IV. Institut rukopisi NBU im. V. Vernads'kogo, 140.
10. Lisovskij, L. (1901). Desjat' let v Poltave (1899–1909). Iz dnevnikov i vospominanij. Issue III. Institut rukopisi NBU im. V. Vernads'kogo, 38.
11. Lisovskij, L. (1899). Desjat' let v Poltave (1899–1909). Iz dnevnikov i vospominanij. Issue I. Institut rukopisi NBU im. V. Vernads'kogo, 31.
12. Lisovskij, L. (1903–1905). Desjat' let v Poltave (1899–1909). Iz dnevnikov i vospominanij. Issue V. Institut rukopisi NBU im. V. Vernads'kogo, 140.
13. Lisovskij, L. (1990). Desjat' let v Poltave (1899–1909). Iz dnevnikov i vospominanij. Issue II. Institut rukopisi NBU im. V. Vernads'kogo, 39.

*Рекомендовано до публікації д-р наук з мистецтвознавства, професор Рожок В. І.
Дата надходження рукопису 25.01.2016.*

Литвиненко Алла Ивановна, кандидат искусствоведения, доцент, кафедра культурологии и методики преподавания культурологических дисциплин, Полтавский национальный педагогический университет им. В. Г. Короленко, ул. Остроградского, 2, г. Полтава, Украина, 36000
E-mail: Liola@ukr.net